

УДК 930
ББК 66.61(2)
362

Редакция автора и И.В. Краснослободцевой

Зимянин Владимир

362 Непобежденный: Документальная повесть об отце. 3-е доп. изд. — М.: Издательский Дом «Городец», 2019. — 176 с.; илл.

ISBN 978-5-907085-17-6

В книге рассказывается о жизни и деятельности Михаила Васильевича Зимянина, организатора партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, известного дипломата и журналиста, одного из руководителей Коммунистической партии Советского Союза. Многие документы и материалы публикуются впервые.

Для всех, кому небезразлична история нашего Отечества.

**УДК 930
ББК 66.61(2)**

ISBN 978-5-907085-17-6 © В. Зимянин, 2019
© Издательский Дом «Городец», 2019

Подписано в печать 28.01.2019. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,0 + 4 печ. л. цв. вкл. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД «Городец»» 105082, г. Москва, Переведеновский переулок, д. 17, корп. 1. Тел. +7 (985) 800 03 66 www.gorodets.ru e-mail: info@gorodets.ru

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Первое и второе издания документальной повести «Непобежденный» были опубликованы в 2004 и 2007 годах под псевдонимом «Михаил Бублеев».

В предисловиях к обеим книгам сообщалось о намерении автора, якобы минского журналиста, разобраться в сложных хитросплетениях судебных руководителей Белоруссии — П.К. Пономаренко, В.И. Козлова, К.Т. Мазурова, П.М. Машерова и М.В. Зимянина. При этом «журналист» и не думал скрывать, что личность последнего вызывает у него особый интерес.

Почему я решил взять псевдоним и выдать себя за белорусского журналиста? Ведь большинство моих публикаций, в том числе научно-художественные биографии выдающегося деятеля Индии Джавахарлала Неру и известного американского актера и певца Поля Робсона, издавались в восьмидесятые годы в популярной серии «Жизнь замечательных людей» комсомольского издательства «Молодая гвардия» под моей фамилией Зимянин.

Но одно дело писать о жизни и деятельности выдающегося политика или прославленного артиста и совсем другое рассказывать о самом

близком и дорогом человеке. Признаюсь, сам не ожидал, что обращение к биографии отца вызовет столь глубокие и сильные чувства.

Выбрав в качестве автора своей книги некоего «белорусского журналиста», я полагал, что это поможет мне сохранять должную объективность, избегать крайностей в оценках и т.п.

Кроме того, работая над первым вариантом рукописи, которую хотелось опубликовать к 90-летию отца, я испытывал определенные сложности, поскольку в то время служил в Министерстве иностранных дел. Тогда в 2003 году рецензенты из ряда ведомств, к чьим мнениям я не мог не прислушаться, рекомендовали мне воздерживаться от «лишних» упоминаний имен Андропова, Горбачева, Чазова.

Осенью 2004 года меня поразило известие о гибели на Кипре в результате автокатастрофы бывшего помощника секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачева Валерия Легостаева, опубликовавшего в февральских номерах газеты «Завтра» сенсационный, без преувеличения, по разоблачительности очерк об Андропове «Гебист магнетический».

Поразмыв, я решил отложить до поры до времени некоторые сюжеты из моего труда, поначалу озаглавленного «Из поколения победителей» и принятого к публикации редакцией журнала «Новые книги России».

Теперь же, выйдя в отставку, могу считать себя свободным от ряда прежних ограничений, что позволяет мне внести в текст книги необходимые дополнения и уточнения.

Благодарю всех, кто своими советами и замечаниями помог подготовке третьего издания книги о Михаиле Васильевиче Зимянине.

Глубокая признательность моим друзьям — замечательным литераторам Юрию Михайловичу Лощицу, Сергею Ивановичу Котьякало, Валерию Николаевичу и Марине Валерьевне Ганичевым, коллегам по дипломатической службе Геннадию Михайловичу Гатилову, Андрею Михайловичу Вавилову, Михаилу Ефимовичу Кокееву, Алексею Леонидовичу Федотову, Василию Алексеевичу Небензе, Эдуарду Иосифовичу Саруханяну, Сергею Борисовичу Кононунченко, Александру Сергеевичу Алимову, Сергею Юрьевичу Васильеву, Григорию Владимировичу Устинову, Ивану Алексеевичу Новикову, Анне Вячеславовне Нечипоренко, русским предпринимателям Сергею В. Исакову, Наталье Валериевне и Антону Михайловичу Треушниковым, редактору этой книги Инессе Владимировне Краснослободцевой.

Спасибо моим дорогим землякам — белорусам, бережно разместившим текст второго издания книги в своих газетах и литературно-художественных журналах.

Владимир Зимянин

Москва — Минск — Женева, 2014–2019 гг.

Михаил Васильевич Зимянин ушел из жизни 1 мая, в день, который в СССР и странах социализма отмечался как международный праздник солидарности трудящихся. Прощались с ним 5 мая — в советский День печати. Поминальный девятый пришелся на празднование Великой Победы — 9 мая 1995 года.

Поневоле ловишь себя на мысли о том, что даже даты, связанные с его кончиной, по-своему знаменательны. Они словно отражают его жизненный путь — труженика, журналиста, воина.

Да и родился он в Витебске 21 ноября (8 ноября по старому стилю) 1914 года, в день, когда православный русский народ празднует честь и память Архистратига Михаила, вождя воинства Господня, защитника веры и хранителя людей, главного борца против сатаны. По святцам и был наречен Михаилом. Его батюшка Василий Мартынович Зимянин родом из деревушки Земцы, название которой чем-то созвучно семейной фамилии, трудился машинистом на рижско-орловской железной дороге.

После безвременной кончины отца в 1921 году мать Мария Коренева с детьми переехала в Земцы. Через год Михаил пошел в сельскую семилетнюю школу, а когда ему исполнилась пятнадцать лет, старший брат Владимир привел его в витебское паровозоремонтное депо. Вскоре трудолюбивый и шустрый подросток овладел хлопотным ремеслом помощника машиниста.

Благодаря природной сметливости и неумемной тяге к знаниям Михаил успешно закончил в 1934 году педагогический техникум и в течение двух лет преподавал

историю в средней школе. Одновременно в качестве литературника сотрудничал с минской газетой «Коммунист Белоруссии».

В октябре 1936 года Зимянина призвали на военную службу. По воспоминаниям его полкового друга Кирилла Мазурова, Михаил, «живой и компанейский, добрый и ровный в общении с товарищами, хотя и острый на язык... выделялся своей эрудицией (заочно учился в Могилевском педагогическом институте) и быстро завоевал авторитет у товарищей и командования. После окончания полковой школы Михаила Зимянина назначили редактором газеты нашей части».

* * *

В 1938 году партийную организацию Белоруссии, переживавшую полосу жестких массовых чисток, возглавил сталинский выдвиженец Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Ознакомившись со списком репрессированных и подлежащих аресту людей, новый руководитель республики немедленно направил Сталину докладную записку. Пономаренко удалось доказать необоснованность и вредность репрессий в Белоруссии. Особенно подействовал на Сталина тот факт, что народные поэты Янка Купала и Якуб Колас были также внесены в списки врагов народа. Сталин приказал прекратить преследования руководящего состава и творческой интеллигенции Белоруссии. По его указанию классики белорусской литературы Купала и Колас были награждены орденами Ленина.

Пономаренко рассказывал, что Сталин послал его в Белоруссию с четкими указаниями прекратить репрессии.

— Чего они добиваются? Что им нужно? — вопрошал Сталин, имея в виду белорусских чекистов. — Там

так много людей пострадало, и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года), а они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок — остановите репрессии.

— А как это сделать? — решил спросить Пономаренко.

Сталин посоветовал:

— Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери — и пусть идет домой.

Пономаренко ответил:

— Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться.

Сталин сказал, что, конечно, «не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. Оттого, как вы себя поставите, будет зависеть ваш авторитет и успешность работы».

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии в Минск, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела и стал вызывать к себе осужденных.

В деле одного из них говорилось: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально было именно так. Когда в двадцатом году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Некоторые семьи оказались разделенными. Этот гражданин гнал качественный самогон. На польской стороне — сухой закон, и к нему за самогоном приходили поляки, в том числе довольно известные, среди которых были полковник

Бек (потом он стал министром иностранных дел Польши) и маршал Рыдз Смиглы. Если хорошо наугощаются, то и ночевать оставались. А иногда он сам носил им самогон, пересекая, таким образом, государственную границу.

Пономаренко, выслушал его и сказал:

— Иди домой. Прямо из кабинета. Свободен.

А мужик отказывается:

— Как это «иди»? До дома далеко, мне надо сначала пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку.

И ушел только после того, как получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая строка — на «О», третья — на «Ш». В результате получается акrostих «Сталин — вош». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим:

— Вы неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком.

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал жестко:

— Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится.

Недовольные, видимо, быстро поняли, что это не острословие, а предупреждение, и все пошло, как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал:

— Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас еще много.

Это один из многих эпизодов работы Пономаренко в Белоруссии. До конца жизни он сохранил к Сталину глубокое уважение, считая его великим деятелем истории.

О Зимянине пишут разное. Одни отзываются о нем уважительно, воздавая должное его заслугам, иные сдержанны в оценках, а кому-то он просто не по душе.

Так, историк и публицист Сергей Николаевич Семанов, долгие годы собиравший материалы о советских руководителях, опубликовал две книги — жизнеописания Л.И. Брежнева и Ю.А. Андропова. От последнего С.Н. Семанов немало натерпелся, фактически угодив в начале 1980-х годов под домашний арест. В те времена член КПСС, главный редактор журнала «Человек и закон» С.Н. Семанов распространял в писательских и журналистских кругах, как это следует из секретной докладной КГБ, «клеветнические измышления о проводимой КПСС и Советским правительством внутренней и внешней политике», допуская «злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства». Очевидно и то, что для КГБ не было секретом тайное сотрудничество Семанова с эмигрантскими изданиями. «Рабочий, так сказать, секретарь ЦК по идеологии М. Зимянин, одногодок Андропова, так и не был введен в Политбюро; здоровый и подвижный, он отличался нерешительностью и слабохарактерностью, боялся сам принимать маломальски важные решения (о происхождении его супруги говорили разное...)», — пишет Семанов в биографии Андропова. Следующее упоминание о Зимянине уже из книги о Л.И. Брежнев. «Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев был ничтожеством из ничтожеств». Новым секретарем, его сменившим, «стал бывший редактор “Правды” М.В. Зимянин. Был он таких же дарований, как и его предшественник, но, человек Суслова, он явно был сторонником его “интернациональной линии”».

В воспоминаниях «архитектора перестройки» А.Н. Яковлева, носящих примечательное название «Омут памяти», можно прочесть следующее: «Любопытный человек Михаил Зимянин. Партизан. Комсомольский, а затем партийный секретарь в Белоруссии, посол во Вьетнаме, заместитель министра иностранных дел, главный редактор “Правды”. Как раз в это время (1973 год. — В.З.) у меня сложились с ним добрые отношения, достаточно открытые. Мы доверяли друг другу. На Секретариате ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать и иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в “Литературке”, позвонил мне и сказал добрые слова». (Речь идет о яковлевской статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете» в 1972 году. В этой статье Яковлев в худших традициях вульгарно-социологической литературной критики подверг нападкам творчество выдающихся советских русских писателей и поэтов патриотического направления. Откровенная русофобия новоявленного «литературоведа» вызвала раздражение у Брежнева. «Этот мудака хочет посорить нас с русской интеллигенцией», — буркнул он в сердцах и распорядился убрать Яковлева из аппарата ЦК КПСС. Яковлева отправили послом в Канаду, откуда он был возвращен при Андропове спустя десять лет. — В.З.)

«Я отправился в Канаду с этим образом Михаила Васильевича. В один из отпусков решил зайти к нему. В первые же минуты он соорудил изгородь. Я попытался что-то сказать, о чем-то спросить — стена из междометий. Я встал, попрощался, но тут он пошел провожать меня, дошел даже до коридора, глядя на меня растерянными глазами, буркнул: “Ты извини, стены тоже имеют уши”. Собеседник мой боялся, что я начну обсуждать что-

нибудь сакраментальное, как бывало прежде. Больше я к нему не заходил.

Когда я вернулся в Москву, он уже был секретарем ЦК. Однажды он пригласил меня по делам института... (По возвращении из Канады Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. — В.З.) Во время разговора раздался звонок Андропова. Зимянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: “Есть”. Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: “Ты не говори, что присутствовал при разговоре”».

Академик-американист Георгий Арбатов в своей книге «Человек системы» пишет о том, что «все были рады», когда М.В. Зимянин сменил Демичева на посту секретаря ЦК по идеологии. «Репутация у него была неплохая, но на посту секретаря ЦК с ним что-то произошло. Может быть, он не выдержал испытания властью. А может быть, это было возрастное. Но во всяком случае Зимянин стал совсем другим, превратился в покровителя реакционеров, а в некоторых неблагоприятных делах (в частности, в попытке разгромить в 1982 году ИМЭМО АН СССР) активно участвовал сам». В главе, посвященной Ю.В. Андропову, утверждается, что тот придерживался нелестного мнения о Зимянине и не раз Арбатову об этом говорил.

Бывший редактор «Комсомольской правды», бывший руководитель Всесоюзного агентства по авторским правам, бывший министр иностранных дел СССР, бывший посол в Великобритании и Швеции, ныне проживающий в Стокгольме Борис Дмитриевич Панкин в своих воспоминаниях «Пресловутая эпоха» приводит следующий рассказ известной советской писательницы Мариэтты Шагинян о встрече с М.В. Зимяниным.

«Когда-то давно, она не помнила, то ли в сорок восьмом, то ли в пятьдесят шестом она пришла в Праге в советское посольство. Хотела раздеться.

— Вдруг какой-то маленький человечек бросился взять у меня пальто. По старой буржуазной привычке я протянула ему крону, и он взял эту крону. Я спросила, как пройти к послу, он рассмеялся и сказал, что он и есть посол. Вот такой он тогда был. Кстати, крону мне так и не вернул, по-моему. Может быть, взял ее на память».

Точности ради, отметим, что М.В. Зимянин возглавлял посольство СССР в Чехословакии в 1960–1965 годах, а приведенный Панкиным забавный эпизод относится к лету 1963 года, когда Шагинян провела несколько недель в Праге, собирая материалы для книги о чешском композиторе Йозефе Мылшивечеке.

Вторая встреча, о которой Мариэтта Сергеевна поведала Панкину, состоялась уже в ЦК КПСС. Писательница пришла к секретарю ЦК по идеологическим вопросам М.В. Зимянину с просьбой помочь приобрести дачу в Переделкино, а тот отказал, да еще и выговорил ей: «Как это можно? Коммунист не должен иметь никакой собственности. Вот посмотрите на меня. (А он, между прочим, блестяще одет, — отмечает Шагинян.) У меня нет ничего. У моих детей нет ничего. Они не пользуются никаким блатом».

Шагинян в гневе покинула секретарский кабинет, а Зимянин, по ее словам, бросился за ней, просил «не сердиться, задержаться». Но негодующая писательница ушла. «Он вообще изменился, боже, как он изменился, — восклицала Шагинян. — Он ведь был сталинист, ярый сталинист, когда началось все это. А теперь совсем другое. Как сумел он попасть в масть?»

По прочтении этого отрывка поневоле возникает вопрос: для чего профессиональный журналист Борис

Панкин, небезразличный к литературной форме, столь тщательно воспроизводит косноязычие девяностолетней литераторши, не утруждая себя ни редакторской правкой, ни, казалось бы, полезными комментариями? Попробуйте с ходу определить, что фраза «когда началось все это» означает период хрущевской «оттепели», а «теперь совсем другое» — брежневский «застой». В то же время нужны ли эти объяснения? Вот как ухитрялся «попадать в масть яркий сталинист» Зимянин? Думается, устами старушки Шагинян этот вопрос задает сам Панкин.

«Отличался объективностью и здравомыслием, — характеризует М.В. Зимянина представитель так называемой литературы факта Николай Зенькович, автор 30 популярных книг по советской и новейшей российской истории. — Чаще всего любая серьезная коллизия заканчивалась у него в кабинете и не имела продолжения. Деликатный по характеру, вместе с тем он был прямолинейным в суждениях, честным и правдивым в оценках, недостаточно податливым к зигзагам в идейных вопросах. Лично скромный, открытый, контактный, несколько эмоциональный. Говорил очень быстро».

И одновременно мастер «литературы факта» повторяет байку сына Хрущева о том, как посол СССР в Чехословакии М.В. Зимянин в октябре 1964 года позвонил из Москвы, куда он был вызван на Пленум ЦК КПСС, отдыхавшей в Карловых Варах Нине Петровне Хрущевой и поздравил ее с назначением на пост Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Заодно шустрый посол сообщил ни о чем до той поры не подозревавшей женщине, что «врезал как следует» по методам хрущевского руководства. По недоуменным вопросам Нины Петровны понял, к ужасу своему, что по привычке попросил соединить его с женой Хрущева вместо Виктории Петровны Брежневой.

Обе вместе отдыхали на карловарских водах. Пробормотал в расстройстве что-то невнятное и повесил трубку...

Ну что тут скажешь? Если бы Михаил Васильевич при жизни прочитал эти анекдотические истории о себе, он бы от души посмеялся. Чувство юмора у него было отменное.

Мемуарная зарисовка Станислава Куняева, поэта, публициста, главного редактора журнала писателей России «Наш современник». «Маленький Зимянин» с «глубоко запавшими глазками» разговаривает с Куняевым на банкете по случаю очередного съезда Союза писателей: «А — это опять вы! И когда научитесь отличать евреев от сионистов?» — «Я только этим и занимаюсь в последние годы», — печально отшутился Куняев.

А вот портрет Зимянина, вышедший из-под пера Сергея Викулова, предшественника Куняева на посту главного редактора «Нашего современника»: «В нем не было ничего, что говорило бы о человеке гордом, волевом, самолюбивом: ниже среднего роста, круглое бабье лицо, курносый нос, тонкие губы, негромкий, без басовой струны голос, тараторный, лишенный ораторских интонаций говор». По описаниям Викулова, «щупленький, невысокий» Зимянин постоянно «нервничает», «весь в движении», «поддерживается на стуле», «суетливо жестикулирует», говорит «зло и резко», часто прерывает собеседника. Когда же он выступал с трибуны, то «не было в его говорении ни душевного волнения, ни боли, ни тревоги. Этакая ровная, скучная, прошу простить за сравнение, церковная монотонность. Слушаю, хочу записать, а записывать нечего...»

С легкой руки Викулова, а потом и сменившего его Куняева пошла гулять по страницам «Нашего современника» и других изданий патриотического направления

формулировка, характеризующая руководство культурой и идеологией советского периода, — «сусловы, зимянины, шауры» (В.Ф. Шауро, заведующий отделом культуры ЦК КПСС в 1965–1986 годах. — В.З.). Сформулировано в полном соответствии с известными образцами советской публицистики. Поневоле вспоминается классическое: «...гитлеры приходят и уходят...» Пренебрежение, презрение, если не ненависть к определенным личностям, сквозят в написанных с маленьких, строчных, букв фамилиях, да еще упомянутых во множественном числе. Имена собственные становятся нарицательными...

«Маленьким», в «мышинного цвета костюмчике», «постоянно шмыгающим носом» — таким запомнился Зимянин поэту, секретарю Правления Союза писателей России В. Сорокину.

У идейного антипода трем последним авторам Евгения Евтушенко свое видение образа Зимянина, который лично к нему относился «весьма неплохо, тем не менее часто и весьма легко впадал в ярость по поводу всего того», что поэт писал и делал.

В книге «Волчий паспорт» Евтушенко живописует, как при объяснениях с ним Зимянина «трясло», он от возмущения по поводу каких-то стихотворений поэта вскакивал со стула, крича: «Это издевательство над всей советской жизнью, над нашим строем!» «При начале перестройки Зимянин несколько раз впадал в истерики — так, он буквально бесновался перед Съездом писателей СССР, перед пленумом СП РСФСР, полутребую, полуупрашивая писателей не упоминать еще не напечатанный тогда роман “Дети Арбата” Рыбакова, который он сам называл антисоветским».

Забавно, но в своем «Романе-воспоминании» Анатолий Рыбаков пишет следующее: «Итак, роман запрещено

даже упоминать. Евтушенко выбросил его из своего выступления. Потом разыскал меня, передал свой разговор с Зимяниным.

— Не думайте, я не испугался, но “скалькулировал”, что мое умолчание будет выгодно для романа.

Я улыбнулся, представляя, как маленький, тщедушный Зимянин наскакивает на долговязого Евтушенко.

— Чего вы улыбаетесь? — насторожился Евтушенко. — Повторяю, я не испугался.

— Знаю. У меня нет к тебе претензий. Я никогда не сомневался, что ты мне хочешь помочь».

И снова цитата из книги Евтушенко. Читаем: «Зимянин не замечал, что с каждым днем он все больше и больше становился анахронизмом. Его трагедия была в том, что, будучи субъективно честным человеком, в силу своей запрограммированности на так называемую идеологическую борьбу он превратился в верного Руслана — лагерную овчарку из повести Вадимова, которую учили брать мертвой хваткой всех, кто посмеет выйти из колонны заключенных. Зимянин, как и другие идеологи, был настолько занят надзирательством, что почти не бывал в театрах, и если что-нибудь читал, то только по служебной необходимости.

Однажды он меня неожиданно спросил в редакции “Правды”: “Тут так срабатываешься, что я уже не помню — когда в последний раз стоящую книжку читал. Не посоветуете ли мне что-нибудь почитать?” Я посоветовал ему “Сто лет одиночества”. Такие люди, руководя культурой, сами в ней ориентировались еле-еле. Но все-таки была у них культура чтения, правда, особого склада. Они понимали силу слова, понимали, как самый вроде бы мягкий подтекст может становиться рычагом исторических перемен».

В том же «Волчьем паспорте» не названный по фамилии секретарь ЦК по идеологии, но понятно, что речь идет о Зимяnine, распекая поэта за репортаж о Монголии в американском журнале «Лайф», вызвавший возмущение монгольского руководства, «вдруг сварливо добавил:

— И с вашей женитьбой на англичанке вы тоже учудили. Надо же было до такого додуматься! Почему вы все время противопоставляете себя обществу, гусей дразните?!

Я встал и сказал:

— Это мать моих двух детей. Если вы немедленно не извинитесь, я сейчас же уйду...

Он с торопливой гибкостью обнял меня за плечи, усадил:

— Ну, хорошо... Снимаю личный вопрос... Но гусей-то дразнить все-таки не надо... Ни монгольских, ни своих...»

Уже упоминавшийся Борис Панкин в одной из последних своих публикаций так характеризует отношение Зимянина к Евтушенко: «Блажит? — спросил он при мне о Жене кого-то из руководящих деятелей Союза советских писателей.

— Есть немного.

— Анти нет?

— Нет.

— Так что мы не в состоянии это выдержать?..»

В 1964 году познакомился с Зимяниным известный дипломат и журналист, руководивший в 1988–1991 годах Международным отделом ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин: «Небольшого роста, щуплый, подвижный, как ртуть. Большую часть войны партизанил в Белоруссии. С партийной работы попал в дипломаты. Будучи послом во Вьетнаме, Зимянин энергично противодей-

ствовал тому, чтобы эту страну постигла полпотовская драма».

В конце лета 1979 года В.М. Фалин, тогда первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК КПСС, с секретарем ЦК М.В. Зимяниным с глазу на глаз обсуждали ситуацию в Афганистане. Страна охвачена гражданской войной, и соотношение сил явно не в пользу правящего режима. Президент Тараки и премьер Амин молят Москву о военной помощи, не только оружием, но и войсками. До осени 1979 года позиция советского руководства сводилась к тому, чтобы оказывать Афганистану политическое и экономическое содействие, в том числе оружием и военной техникой, но не более того.

В этой новой ситуации Фалин задавал вопрос, от кого и с кем теперь защищать афганскую революцию? И он, и Зимянин замечали возросшую активность советского Генштаба и тех отделов ЦК, которым положено заниматься афганской проблематикой. Друг другу они доверяли, поэтому поделились общим печальным выводом: страну втягивают в «авантюру с сомнительным финалом».

Фалин вспоминал, как Зимянин в разговоре с ним с глазу на глаз сказал об Андропове, что тот «знает о каждом из нас больше, чем мы сами знаем о себе».

По мнению Фалина, «внимая фактам, Юрий Владимирович вместе с тем неадекватно реагировал на сплетни» и испытывал аллергию «на инакомыслие любых оттенков». «Судя по всему, венгерский опыт 1956–1957 годов глубоко засел в его подсознании. В несколько заходов я пытался пробудить интерес Андропова к правовому опыту Швейцарии, Англии, США и ФРГ в защите ими государственных устоев. Там закон проводит грань между инакомыслием и инакодействием.

Такого рода рассуждения не пришлись ко двору. И, похоже, не случайно микрофоны подслушивания были моими спутниками».

О совместной поездке с Зимяниным в Афганистан в апреле 1980 года, то есть через четыре месяца после ввода туда наших войск, рассказывал народный артист СССР Иосиф Кобзон. Секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин возглавлял советскую делегацию на праздновании первой годовщины Апрельской революции.

«Мы тогда, как и все советские люди, ничего не знали, и нам стали рассказывать страшные вещи о том, какая здесь идет война, как погибают наши ребята. Летчики погибают, десантники погибают... Ребята наши там находились в тяжелом психологическом состоянии. Они не знали, за что их прислали сюда воевать».

Певец обратился к Зимянину: «Надо выступить перед ребятами». На что Зимянин, по утверждению Кобзона, ответил: «Нельзя, пока еще наши взаимоотношения с Афганистаном не стали достоянием гласности».

«Но они гибнут!»

«Кто тебе сказал?»

«Очевидцы».

Зимянин велел Кобзону посоветоваться с послом, бывшим лидером Татарстана Ф.А. Табеевым.

Тот заявил: «Нежелательно. Опасно».

Кобзон возмутился: «Что значит “опасно”? Надо постараться как-то поднять боевой дух наших воинов!»

Снова пошел к Зимянину, который, немного помолчав, пристально глянул на певца и сказал: «Ну, ладно, попробуй».

Кобзон без промедления отправился во дворец Амина, где располагался штаб 40-й армии, и дал первый концерт.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

«Книга “Непобежденный” интересна для нашего современника во многих отношениях. Не говорю сейчас непосредственно о судьбе Зимянина, прошедшего в годы Великой Отечественной войны белорусское партизанское сопротивление. Его биография — партизан, парторботник, дипломат, главный редактор “Правды”, секретарь ЦК КПСС по идеологии — сама по себе является как-бы слепком тех сложных времен.

После его ухода из ЦК, а затем из жизни многие известные люди, духовно ему близкие, в своих воспоминаниях вдруг принялись не то чтобы критиковать, но журить его: что-то не сделал, что-то не доделал, твердость в каком-то вопросе не проявил...

Здесь нет нужды ссылаться на конкретные имена и факты, они приведены в книге В. Зимянина. Но эта давняя отечественная забава “бить по своим”, пытаюсь как бы снизить масштаб личности, увы, никому не делает чести. А что касается Михаила Васильевича Зимянина, человека своей эпохи, прошедшего трудный и честный путь, не замаравшего себя ни предательством, ни трусостью, ни начальственной злобностью — эта “забава” явно не срабатывает.

История его жизни, развернутая на страницах книги, во-первых, крайне интересна для любого человека, неравнодушного к отечественной истории, а во-вторых, настолько злободневна (идеолог!), что принадлежит не только прошлому, но и нашему сумбурному настоящему и нашему неизведанному будущему».

Анатолий Салуцкий, писатель, публицист

9 785907 085176